

Я зайду к вам через 89 лет

СИТУАЦИЯ

Не далее как на прошлой неделе писателя Льва Коконина поздравляли с 70-летним юбилеем. Большая дата, большой праздник для юбиляра, для всех, кто дружен с этим человеком. Но такова наша жизнь, что и к радости примешивается горечь. Лев Васильевич прислал в редакцию письмо, где рассказал, как ходил в собес за путевкой...

Мне бессрочно определили вторую группу инвалидности по сердцу, и комиссия решила: нуждаюсь в санаторно-курортном лечении.

Здорово! Чуть не месяц буду бесплатно лечить (двадцать-то тысяч на путевку где мне найти?), будут поить-кормить, кино показывать, привозить в санаторий артистов. Опираясь на палочку, не чувствуя никаких болей, одухотворенный шагал в районный собес.

Мысленно оглянулся на свою жизнь. А ведь ни разу я не был ни в домах отдыха, ни в санаториях. Отпуска проводил или с семьей в палатке на берегу Рыбинского моря, или на охотах, на рыбалках. Никакие санаторно-курортные заведения не могли бы заменить того, что ждешь всей семьей, — желанного отпуска на природе. Сколько же я за жизнь путевок сэкономил!

Правда, сознаюсь, на душе был один грех. Я уже был руководителем большого предприятия, и мне подсказали: «Пиши заявление на материальную помощь для приобретения путевки. Положено!» Написал: «Прошу предоставить помощь на приобретение путевки в санаторий «Палашма».

А Палашма — это лесная речушка в Некрасовском районе, где вместе с семьей решили поставить палатку. Мой начальник читал заявление и морщился. Сам-то он охотник и неоднократно на этой самой Палашме стрелял уток. Под-

писал заявление, погрозил мне кулаком. Вот так раз в жизни я «отсанаторился». Не пропадать же деньгам.

Дорога от троллейбуса до собеса немного утомила меня. Обиравшись на палочку, экономил силы — подняться на второй этаж и не задохнуться.

Да разве когда мог подумывать — буду бояться второго этажа! В молодости прозвище Лосятник имел. От собак не отставал, лосей преследуя. За тридцать семь минут десятку на лыжах бегал. Были! Были и мы рысаками!

Поднимался на второй этаж, слышал, как сильно стучит сердце. Нет-нет, не от болезни стучит. Стучит от достоинства, от сознания своей значимости, приятно все-таки: таких, как мы, помнят. В очереди я оказался девятым. Не беда, спешить некуда, стульчики есть, посижу, успокою сердечную радость.

Сердечная радость давно успокоилась, а до меня оставалось еще пять человек. На четвертом очередь вообще застыло. Дверь чуть приоткрылась, сам видел — сотрудники пили чай. Примерно полчас в кабинет никого не приглашали. Четверо передо мной начали потихонечку брюзжать.

Мне-то что! Я не брюзга. С работы не отпрашивался, время есть... Но вот меня позвали. Долго-долго тетенька читает мой документ, разглядывает медицинскую печать, снова читает. И читать-то всего четыре строчки, чего мол-

чит? Наконец задала мне вопрос:

— А вы кто, простите, будете? На льготную путевку претендуете. Вы Герой Советского Союза, может, России?

Понял, решила пошутить. Я тоже улыбнулся:

— Да нет пока, но вот-вот указа жду, скоро Героем буду.

— Может быть, вы участник чернобыльских событий? А?

Сделалось ясно: чего-то не дописали врачи в своем документе. Скрывая внутреннюю дрожь, собственное бессилие, все-таки на вопрос ответил с достоинством:

— Нет, слава богу, в Чернобыле не был.

— Хорошо... Оставьте... Пусть следующий заходит.

Со второго этажа я спустился с большим трудом, чем поднимался. Перила у лестницы почему-то стали скользкими, рука едва держалась за них, палочка раза два соскользнула со ступеньки, а под рубашкой стучало часто и громко, часто и громко.

Судьба распорядилась так, что скоро я снова оказался в собесе у той самой женщины.

Случайно встретились на улице с депутатом, разговорились о житье-бытье. С ним я хорошо знаком, давно друг с другом на «ты». Рассказ о льготной путевке для инвалида его заинтересовал. Через некоторое время он позвонил мне:

— Иди в собес. Я за тебя дрался! Все оговорено!

Встретили меня очень приветливо. С улыбочкой работница собеса спросила:

— Это из-за вас депутат столько шума наделал? Жаловались?

Мысли мои перепутались: «Я? Жаловался?»

— Не знаю... может быть... я не просил... не жаловался...

— Понимаю-понимаю! Сейчас... найдем ваши докумен-

ты. Ставим вас на очередь. Вы довольны?

Не знал, как ответить, благодарно кивнул. Моя собеседница мило улыбалась:

— Всего вам доброго! Ждите!

Я захромал к выходу, слово «ждите» остановило меня. «Где ждать? У телефона сидеть, может, сегодня или завтра позвонят? А может, и посидеть-то за дверью, подождать, когда вызовут, — вот она, путевочка-то, вот!»

Спросил:

— А какой я на очереди, простите?

— Вы на очереди двести шестьдесят восьмой.

— А сколько в год к вам поступает льготных путевок?

— Две-три.

С арифметикой я дружен. Быстренько умев двести шестьдесят восемь разделить на два. Ого! Через сто тридцать четыре года я получу путевку! Не состариться бы. А если разделить на три? Через восемьдесят девять? Годится! Можно и подождать.

— Спасибо вам большое! Документы в архив не сдавайте. Я зайду к вам через восемьдесят девять лет. Ждите!

Спускался со второго этажа, палочка больше не скользила. Она поняла — эти ступеньки не для каждого инвалида. Из-за чего же так стучит под рубашкой? Из-за работницы собеса? Не-е! Она ни причем. У нее инструкция... Мы-то, старики, стерпим, у нас уже в жизни сумерки, сколько всего пережили. Переживут ли дети и внуки?

А депутат? Его мне больше себя жалко. Взъерошился, разбудил вокруг себя всех, а толку? Так что же? Для тех, кто создает инструкции, мы, старики, стали лишние?

Лев КОКОНИН,

член Союза писателей СССР, член Союза писателей России.